

Я не сразу узнал голос не определившегося в телефоне абонента.

— Это кто?

— Кто, кто— конь в пальто!— засмеялся Никита.

— Не узнал тебя, редко звонишь...

Дружба наша завязалась в 1959 году, когда мой «крёстный отец» по кино, молодой и красивый, двадцатидвухлетний Андрон Кончаловский, впервые ввёл в свою семью и познакомил с отцом Сергеем Владимировичем Михалковым, мамой Натальей Петровной Кончаловской и моим ровесником, братом Никитой. Младший брат, с почтением относившийся к старшему, с ходу принял героя его фильма в свои друзья. Я начал дневать и ночевать в добросердечной семье Михалковых. Дачный сторож-истопник, встречая меня, бывшего в те годы весьма худосочным, неизменно острил: «А-а... мёртвые души приехали...» Нам с Никитой— по тринадцать лет. Он старше меня всего на восемь месяцев и восемнадцать дней, но с самого начала и до сих пор показывает своё старшинство.

Ах, какие это были светлые дни! Мой новый друг возил меня на конезавод, где впервые посадил на лошадь и преподавал навыки верховой езды. Он готовился к роли Пети Ростова в «Войне и мире» С. Ф. Бондарчука и уже был, казалось мне, опытным наездником. За год ожидания начала съёмок Никита на голову вымахал ростом, и роль Пети получил более юный исполнитель. Никита не переживал. Увлечённый баскетболом, брал меня на свои соревнования, где я с гордостью наблюдал, как ловко он перемещается по площадке и метко попадает в кольцо.

Мы были, как полагаются в этом возрасте, весьма озорными подростками. Куролесили ночами по николагорским закоулкам с ватагой приятелей: Володей Грамматиковым, Колей Томашевским, имён остальных уже не припомню. Помню, как наши приятели усаживались на асфальтовую дорогу, подносили зажжённую спичку к штанам и делали огненный залп. Тайком допивали изобретённую Натальей Петровной знаменитую настойку «Кончаловку». Пели забористые частушки, травили анекдоты, и королём искромётного юмора всегда

был Никита. Сбегали по глинистой тропинке заросшего душистого оврага, загорали на песочке, купались в Москва-реке. Как приятно было потом узнавать этот овраг и речные заводы в фильмах друга, воплощавшего на экране трепетные воспоминания своего детства. Благоговейно сидели за новогодним столом со старшими, пока нас, «детей», вскоре после полуночи не отправляли спать. Какие «дети»?.. Какой там сон, когда за стеной столь интересные события?

Я уже вовсю снимался. Вслед за фильмом Андрона последовало «Иваново детство» Тарковского. Фильмы двух друзей, Андреев, были отмечены венецианскими «Львами св. Марка». Фильм Тарковского получил ещё пятнадцать международных наград. Об «Ивановом детстве» писала мировая пресса— Жан-Поль Сартр, Константин Симонов... Мои портреты публиковались в зарубежных журналах рядом со звёздами мирового кино— Марчелло Мазтроянни, Софи Лорен, Джиной Лоллобриджидой... Недалёкие критики гладили меня по головке, лили в уши опасный елей: «Ты гений! Ты играешь как большой артист!» Никита же никак не проявлял своего желания стать артистом. И вдруг— Гия Дanelия пригласил его сняться в «Я шагаю по Москве». Узнав об этом, я, грешным делом, подумал, что моего друга пригласили по благу, потому что он— Михалков. Ну, я— понятно: пятнадцатилетний артист Академического театра Моссовета, у меня уже семь ролей в кино; а друг мой— разве он артист?..

Первая же роль показала удивительную органику, лёгкость и неповторимое обаяние юного Никиты. А дальше— началось неуклонное творческое восхождение от фильма к фильму, начала созидаться удивительная судьба большого художника. Никита начал серьёзно подготавливать себя к актёрской профессии: на дачном участке сдвигал столы, и мы делали через них кульбиты, обретая каскадёрские навыки сценического движения. Лет в пятнадцать он прочитал мне написанный им первый свой сценарий фильма-боевика о басмачах и бароне Унгерне. Это первое вторжение в кинодраматургию пригодилось ему и получило развитие в грядущем первом советском вестерне «Свой среди чужих».

В 1964 году, придя к Никите, я увидел ангело-подобное существо — Настю Вергинскую, уже прославившуюся в «Алых парусах» и «Человеке-амфибии». Не восторгаться её неземной красотой было невозможно. Но, мгновенно прочитав в глазах друга душевное расположение к этому ангелу, я и не помышлял давать волю своим восторгам.

Как-то я рассказал Никите о необыкновенной школе рабочей молодёжи для творческих детей, в которой я учился вместе с детьми из Большого театра, ансамбля Моисеева, спортсменами... Моими одноклассниками были Таня Тарасова и Алёша Уланов, вскоре заявивший о себе как выдающийся фигурист, победив на олимпийском, европейском и мировом чемпионатах вместе с Ирой Родниной, учившейся в этой же школе на два класса младше. Учились мы весьма комфортно — всего три дня в неделю.

— Ты учишься шесть дней, а мы — три дня, — сообщил я Никите. — Педагоги замечательные, отношение к ученикам творческое, оценки выставляются с лёгкостью.

— Где такая школа? — удивился Никита.

— Недалеко от твоего дома, на улице Чехова.

Никита мгновенно спикировал в эту школу и через год, закончив десятый класс, поступил на актёрский факультет Шукинского училища. На следующий год закончил школу и я и был удачно зачислен на второй курс, где учились мои друзья Никита и Настя.

Началось славное студенческое время. Каждую сессию мы готовились к экзаменам вдвоём в квартире Никиты на улице Воровского. Ночи напролёт зубрили предметы, встречали тихие майские рассветы под классическую музыку и пение Рэя Чарльза, Луи Армстронга, Шарля Азнавура, Эдит Пиаф, Рэя Конниффа... А потом шли на экзамен, и Никита принципиально шёл к экзаменаторам первым.

На третьем курсе Никита попросил меня сыграть Карла XII в его первой в жизни режиссёрской пробе — самостоятельном отрывке из «Петра Первого». Попытка была удачной, оценка — отличной. Воодушевлённый успехом, Никита решил поставить с нашим курсом одноактную пьесу по сценарию американского фильма «12 разгневанных мужчин».

— Ты фильм видел? — спросил он меня.

— Нет.

— Потрясающий фильм. В главной роли — Генри Фонда. Супермен, один идущий против суда присяжных, побеждающий их всех... Ты будешь играть эту роль.

Начали репетировать. Никита всё больше входил в режиссёрский кураж, работал самозабвенно. В разгар репетиций ректор Б. Е. Захава издал приказ об отчислении Михалкова из училища. За что?

Как поговаривали — за анархию, за пропуски, за вольный дух и врождённое остроумие. Преодолевая унижение, смиряя гордость, Никита каждый вечер дожидался момента, когда все педагоги покидали училище, залезал в окно и продолжал репетиции. Он подпольно завершил постановку на столь высоком уровне, что изгнавшие его ректор и мастер курса утвердили произведение Никиты как наш дипломный спектакль. Через год и меня отчислили из училища за съёмки в «Андрее Рублёве» и опоздание к началу учебного года почти на месяц. Опытные педагоги посоветовали мне покаяться перед ректором — типа «больше не буду сниматься у Тарковского». Меня приняли обратно, а Никита — гордо и бесповоротно ушёл в режиссуру, поступив во вгик на курс М. И. Ромма.

Мы стали видаться редко, каждый пошёл своим путём. Никита начал совершать головокружительное восхождение, снимая фильм за фильмом, приносившие славу не только ему, но и всему советскому кинематографу. Путешествуя по миру, было удивительно видеть, что за границей знали уже не только Бондарчука и Тарковского, но и Никиту Михалкова. В роду Никиты прибыло, он стал отцом — родился сын Степан.

Однажды Никита предложил мне сняться в его новом фильме «Обломов». Я прочитал сценарий и не увидел никакой роли, даже имени не было, просто гость на пикнике у Ольги. Мне явно там нечего было играть. Но Никита умеет уговаривать. — Мы сделаем замечательную роль. У меня даже эпизоды играют актёры экстра-класса... А я потом буду бесплатно сниматься у тебя, где захочешь...

Я согласился и приехал к нему в экспедицию на Оку. Приехал днём, думал, что друг, узнав о моём приезде, захочет меня увидеть, поговорить о предстоящем. До конца дня друг так и не появился. В шесть утра меня с массовой посадкой посадили в автобус и привезли на площадку. Такое отношение к заслуженному артисту, с тридцатью ролями за плечами, меня удивило. Одели, загримировали, попросили встать у дерева, чтобы снять мой крупный план. Работа на площадке спорилась, а я пребывал в полном неведении и всё более тревожном расположении духа. Наконец Никита сказал мне, что сейчас будет моя главная сцена.

— Ты будешь делать «английский бокс» вот с этим актёром.

Он указал мне на молоденького паренька с весьма нежной пластикой и голосом.

— Я не знаю, что такое «английский бокс», — сказал я Никите, — покажи.

Никита показал мне несколько плавных, нежных движений руками.

Я отвёл друга в сторонку.

— Обо мне и так кто-то пустил слух, что я — «нежной ориентации». Ты хочешь, чтобы я делал эти «нежные» движения с «нежным» мальчиком, и ко мне прилепят этот «нежный» ярлык?

— Но ты же артист... Ты же должен...

— Ничего я не должен.

Не скрою, я был обижен на друга. Он ведь так и не рассказал мне, какую «замечательную роль» он намеревался со мною вылепить. Я покинул площадку, уехал в Москву, оставив фильму «Обломов» единственный крупный план неизвестно что тут делающего Бурляева.

Наши пути разошлись лет на пятнадцать, пересекались редко — на студии, в общественных местах, на улице... Никита продолжал своё блистательное восхождение. В 1984 году у Никиты родилась дочь Анна, а ещё через год — сын Артём.

В 1986 году Никита стал отцом в четвёртый раз — родилась дочь Надежда, которой в недалёком будущем было суждено вместе с Никитой воплотить на экране неповторимую родовую связь отца и его любимого дитяти. Самые пронзительные для мирового кино мгновения кровной, родовой связи. Как актёр скажу: это невозможно сыграть, если в сердце нет подлинной любви.

В Кремле грянул исторический «перестроечный» пятый съезд кинематографистов СССР, на котором Никита единственный встал на защиту чести и достоинства С. Ф. Бондарчука, обрекая себя на многолетнюю «нерукопожатность» серой кинематографической стаи, пока, наконец, не одержал, причём там же в Кремле, убедительную победу, будучи почти единогласно избран на пост председателя Союза кинематографистов России. «Нерукопожатным» после пятого съезда стал и я за свой первый авторский фильм «Лермонтов». Та же «стая» коллег и советские СМИ рвали меня на части, выпустив двадцать две разгромные статьи за десять месяцев до выхода «Лермонтова» на экран. словно по команде, газеты и журналы давали только негатив, блокируя положительные рецензии, написанные Валентином Распутиным, Арсением Тарковским, Виктором Астафьевым, Василием Беловым, Юрием Бондаревым, профессорами МГУ и лермонтоведами... Я был для «стаи» что красная тряпка для разъярённого быка. С центральных телеканалов вытеснились журналисты, посмеившие взять у меня интервью и показать вполне вменяемого Бурляева. Мне была нужна защита. Позвонил Никите, попросил посмотреть фильм и высказать своё мнение. Он ответил, что готов, но сейчас улетает за границу и не скоро появится. В эти же дни подруга Натальи Петровны Кончаловской сказала мне, что та сетовала: «Что-то Коленька меня совсем забыл... Давно не таскала его за вихры...» Услышав это, позвонил Наталье

Петровне, и она пригласила меня на Николину гору. Спустил многие годы я снова приехал в сердечные места своего детства. Со мною был мой десятилетний сын Иван, который находился почти в том же возрасте, что и я, впервые вошедший в семью Михалковых. Иван, ученик Центральной музыкальной школы, поиграл Наталье Петровне на рояле Баха, Моцарта, Гайдна...

— Как хорошо, что ты учишь своих детей музыке... это пригодится. Я тоже учила Андрона и Никиту...

Я рассказал Наталье Петровне о травле, которой подвергаюсь со своим фильмом, о предательстве тех, кого я считал своими друзьями. После просмотра «Лермонтова» она взяла мои руки, гладила их, гладила голову и как-то особенно нежно промывала:

— Вот какой ты стал, Коленька... Так ведь они тебе завидуют... И Никиту многие предают, — она горестно, но светло спросила: — Зачем же С...ка так поступил с Никитой?.. — она назвала имя нашего по отрочеству общего с Никитой приятеля.

В 1993 году, готовя III кинофорум «Золотой Витязь», увидел документальный фильм Никиты «Анна. От 6 до 18». Картина поразила меня своей исповедальной искренностью. Это был мощный, пронзительный фильм Мастера о времени, о себе, о России, переживающей историческую ломку. Я решил показать этот фильм на «Золотом Витязе». Приехав к Никите на Николину, застал его лежащим на полу, делающим зарядку. Мы провели вместе часа три. Я показал видеofilm о прошедшем в Югославии II кинофестивале «Золотой Витязь». Он смотрел внимательно, молча. Увидев кадр из фильма-призёра фестиваля «После войны мир», в котором паровоз неожиданно объезжает бегущего ему навстречу по рельсам весёлого человека, искренне, эмоционально воскликнул:

— Класс! Гениально! Прекрасно! Класс!

Так открыто радоваться творчеству коллег может только талантливый человек.

— Следующий «Витязь» я провожу в Приднестровье.

— А почему там? — спросил присутствовавший при нашей встрече украинский оператор Вилен Калюта.

— Правильно, что в Приднестровье, — поддержал Никита.

— Ты представишь на конкурс свою картину? — спросил я.

— Конечно... Какую?

— «Анну».

— Хорошо.

— А сам приедешь?

— А когда фестиваль?

— Открытие второго сентября.

Никита задумался.

— В конце августа—начале сентября я во Франции... Придётся прерывать поездку на два дня раньше... Я приеду.

— С этого года я решил не возглавлять жюри,— сказал я Никите.— Но я знаю всю программу и думаю, что «Золотой Витязь»—твой.

— Дай расписку!—с ходу сострил Никита.

Потом мы говорили о кино, о политике и политике, о безверии, о необходимости спокойного, неустанного труда...

— Я должен перед тобой покаяться,—сказал я, прощаясь с Никитой.—Наблюдая за тобою эти годы издали, я, хотя мы и друзья, грешным делом, думал как и многие: удачник, благополучен, барин... А то, как ты все эти годы жил и страдал, увидел лишь в «Анне».

Пролетели три месяца. Наступило второе сентября, день открытия в Приднестровье кинофорума «Золотой Витязь». Двенадцатый час дня—Никиты нет. Ну, думаю, не придет. Да это и понятно: зачем прерывать триумфальную поездку по Франции, где его «Утомлённых солнцем» носят на руках, и мчаться через три границы в Тирасполь?.. Спускаюсь в гостиничном лифте вниз. Двери раскрываются, передо мною—Никита с костюмом на вешалке за плечами.

— Приехал?!—изумился я.

— А х...ли,—улыбнулся Никита.—Я ж обещал.

— Через два часа участники фестиваля пойдут по главной улице с оркестром. Ты пойдёшь?

— А открытие во сколько?

— В восемнадцать.

— Я у тебя гвоздь программы?

— Гвоздь.

— Так вот я выйду в восемнадцать на открытии.

Вечером зрители кинофорума приветствовали появление Никиты с восторгом и благодарностью. Завершая своё выступление, он сказал:

— Я бы хотел пожелать фестивалю «Золотой Витязь» плавного поступательного движения. Покоя и мудрости, когда внутренней молитвы нам достаточно, чтобы бороться с теми, кто нас не любит.

В 1996 году, после своей победы в Думе, когда удалось сломить сопротивление председателя думского Комитета по культуре и пробить строку для «Золотого Витязя» в госбюджете, я спросил Никиту:

— А у твоего Фонда культуры есть строка в бюджете?

— Нет,—ответил Никита.

— Как нет? Ведь Фонд культуры делает так много важнейших проектов...

— Я не знаю, как это делается.

— А я уже знаю. Я прошёл этот путь. Давай попробуем.

Я начал действовать. Ввёл заместителя Никиты в Думу, познакомил с руководителями фракций,

с Г. А. Зюгановым, который в те годы имел о Никите представление, навеянное его недругами. Я убедил Геннадия Андреевича в том, что Никита такой же патриот России, как и он сам, нарисовал подлинный портрет подвижника и труженика Никиты Михалкова. Поддержка была обещана. Я предложил прописать для Фонда культуры в строке госбюджета двести миллионов рублей—такую же сумму, как на весь кинематограф, чтобы Никита мог спокойно воплощать позитивные проекты. Но вновь на нашем пути встал наш коллега, председатель Комитета по культуре, который не любил Никиту и добился уменьшения суммы до шести миллионов. Но строку мы всё-таки пробили.

В 1998 году Никита стал участником открытия «Золотого Витязя» в дорогом для каждого русского сердца Киеве. И хотя новое украинское руководство, идя по пути укоренения русофобии, не желало видеть нас в Киеве, мы всюду встречали радушие и сердечность простых людей. После открытия, за дружеской трапезой на зафрахтованном нами теплоходе «Маршал Кошевой», далеко за полночь, Никита спросил:

— А супчика нет?

Супчика не оказалось. Сели по машинам, помчались по ночному Киеву в поисках желанного «супчика». Все рестораны закрыты. Остановились у подвальной корчмы: свет погашен, двери заперты. Постучались—открыла официантка, увидев Никиту, ахнула, и мы всей гурьбой ввалились внутрь. За столом началось представление всенародно любимого Никиты Михалкова. Слово исполняя соло на контрабасе, он расспрашивал млевшую от соприкосновения с кумиром порозовевшую барышню о возможных блюдах, и она подтверждала готовность принести всё, что его душе угодно. Ах, зачем эта ночь так была коротка?..

В 1999 году девятнадцать «цивилизованных» стран начали бомбардировку Югославии. Узнавший об этом Никита, находившийся в то время на кинофестивале в Каннах, выступил на пресс-конференции с жёсткой оценкой натовского злодеяния, обрекая себя на «нерукопожатность» в Европе и Америке, сразу же заблокировавшей попадание «Сибирского цирюльника» на киноэкраны США.

Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл благословил провести очередной «Золотой Витязь» в поддержку Югославии в Смоленске. Рискуя жизнью, невзирая на тотальную блокаду, угрозу попасть под бомбы НАТО, сербские кинематографисты добрались до Смоленска. На открытии кинофорума митрополит Кирилл и Никита высказали жизненно важные для славянских братьев слова духовной поддержки. Слово правды и видеoinформация, распространённые

участниками форума в двадцати странах мира, и сердечные проводы наших сербских братьев на свою распинаемую Родину были нашим посильным вкладом в их борьбу с дьявольским «новым мировым порядком».

Вскоре министр культуры Сербии пригласил меня и Никиту в Белград в одно и то же время. Никиту — для представления его ретроспективы, меня — для вручения Государственной премии Югославии.

Тринадцатого февраля 1999 года, едва наш самолёт начал вырубивать на взлётную полосу, на весь салон раздался голос выдающейся сербской актрисы, нашей с Никитой подруги Иваны Жигон: — Дорогие Никита Сергеевич и Николай Петрович, дорогая Инга...

Трепетные слова признательности за труды Никиты, за то, что он направляется в распинаемую Сербию, растрогали нас. Когда её голос стих, я обернулся к Никите, сидящему за спиной, и он ответил мне таким же потрясённым взглядом. Много приходится Никите летать по миру, но вряд ли его прежние перелёты начинались таким сердечным образом. И в моей жизни подобного не было. В белградском аэропорту нас встречало множество знакомых и незнакомых лиц: министр Желько Симич, наш посол Я. Ф. Герасимов, вице-президент «Золотого Витязя» Йован Маркович, Ивана Жигон... В этот же вечер нас ожидало около пяти тысяч людей в Русском центре и на улице возле него, куда из-за несогласованности действий нам не суждено было попасть.

Нас провезли по улицам Белграда, показали последствия бомбардировок НАТО. «Экскурсия» была почти молчаливой. То, что видели наши глаза, говорило само за себя. Министр культуры, Ивана Жигон и Йован Маркович рассказывали о своей жизни под градом ракет, начинённых ураном. Последствия облучения уже начали сказываться на сербах. Удар по иммунной системе людей был настолько велик, что зарегистрировано невиданное доселе количество онкологических заболеваний. Мы брели с Никитой и Ингой по вечернему Белграду, смотрели на следы варварства, молчали, и каждый думал о своём. Мы не могли говорить — настолько ошеломили нас виды современной «Герники», сознательно устроенной «цивилизованным миром» на территории избранного ими для публичного распятия маленького гордого народа. Наконец нас привезли в самый высокий храм Европы — недостроенный собор Святого Саввы. В соборе не было электрического освещения, но кто-то предусмотрительно принёс переносную лампу, свет которой вырывал из темноты земляной пол и величественные своды собора, сосредоточенное лицо Никиты...

В этот же вечер мы побывали в Народном театре на «Пигмалионе», где зал горячо приветствовал

Никиту, чья популярность в Югославии невероятно велика, ведь недавно «Сибирский цирюльник» завершил своё триумфальное шествие по экранам страны, став абсолютным лидером проката 1999 года. Сербам была хорошо известна позиция Никиты в отношении агрессии НАТО в Югославии. Принципиальный мужской характер моего друга, всегда говорящего прямо, часто в ущерб себе, идущего наперекор толпе, но не предающего друзей и своей чести, достоин уважения.

Утро четырнадцатого февраля началось с посещения первой репетиции выдающегося режиссёра Югославии Стево Жигона, приступившего к постановке «Чайки» на сцене Народного театра. Актёры с большим интересом слушали выдающегося русского режиссёра Никиту Михалкова, делившегося с ними своим пониманием «Чайки» и Чехова, с которым его связывали давние творческие отношения.

В этот же день Никиту, меня и Ингу принял президент Югославии Слободан Милошевич. При встрече и рукопожатии Никита, нарушая протокол, задержал руку президента в своей руке и сказал: — Крепкая рука мужика.

После приветственной речи президента Никита сказал то, что было и у меня на сердце. Он рассказал о нашем посещении собора Святого Саввы и тактично, но решительно высказал пожелание завершить строительство этого собора, который явится великим духовным православным магнитом в центре Европы. Встреча была очень сердечной и неформальной. Никита умеет нарушать протокол и расслаблять официоз президентов, очаровывая своей простотой и остроумием. Президент трижды подавал сигнал помощникам вносить традиционный сербский напиток и лично проводил нас до парадного выхода и ожидавших нас в парке резиденции машин.

Вечером в переполненном зале Белградской кинотеки, самом мощном кинохранилище Европы, которое пытался защитить от ракет НАТО своим обращением председатель Союза кинематографистов России Никита Михалков, состоялась встреча с ведущими кинематографистами Белграда. Шестисотместный зал был переполнен, люди стояли в проходах. Никите вручили диплом почётного профессора Сербской киноакадемии, а мне — Государственную премию Югославии. Фото запечатлело щедрые аплодисменты Никиты, адресованные другу.

Апофеозом этого дня стало открытие ретроспективы Никиты показом «Утомлённых солнцем» в «Сава-центре», одном из самых больших залов Белграда и Европы. Все пять тысяч мест были заполнены. Зрители встречали Никиту стоя, продолжительной овацией. И хотя этот популярный в Югославии фильм каждый зритель видел не менее двух раз, никто не покинул зал.

Резонанс в югославских СМИ о нашем визите был невероятный. Сербы сказали, что о приезде Марлона Брандо и Элизабет Тейлор к Иосипу Броз Тито не было написано и показано столько, сколько о нашем визите.

В 2000 году «Золотой Витязь» проводили в Москве. Никита решил представить на конкурс свой новый фильм «Сибирский цирюльник». На одной из пресс-конференций журналисты задали ему вопрос, почему он представил свой фильм только на «Золотой Витязь». Никита ответил:

— Есть кинофестивали, где показывают фильмы про уродов, а есть — где про людей. Вот я и отдал туда, где показывают про людей.

И этот фестиваль мы проводили в режиме уже привычного для нас чиновничьего удушения «Золотого Витязя». На третий день после открытия стало понятно, что завтра нам не на что будет кормить участников форума. Что делать?.. Где занять деньги?.. Позвонил Никите. Он отреагировал мгновенно, без долгих объяснений понял, что «Витязь» надо спасать. Распорядился немедленно выделить со счёта «ТриТэ» заём, необходимый для продолжения нашего стояния.

Узнав о решении жюри вручить гран-при Никите за «Сибирского цирюльника», я позвонил и поздравил своего друга с победой. По моим расчётам, момент вручения гран-при в Кремлёвском дворце должен был наступить около двадцати часов. Никита обещал приехать в Кремль к этому моменту. В девятнадцать тридцать, чувствуя неотвратимое приближение кульминационного момента, я из зрительного зала позвонил Никите:

— Ты где?

— В Фонде культуры, — прошептал Никита, — вручаю награды детям.

— Ты помнишь, что через полчаса ты должен быть в Кремле?

— Помню.

— Если будешь опаздывать, я потяну время оркестром...

Перегнувшись через барьер оркестровой ямы, сообщил дирижёру А. И. Полетаеву, что придётся играть, пока не появится Никита. Анатолий Иванович с улыбкой успокоил, что музыки хватит до утра.

В девятнадцать пятьдесят пять я в тревоге снова набрал Никиту:

— Ты где?..

— Вхожу в зрительный зал...

Я оглянулся — по проходу стремительно приближался Никита.

В 2004 году я увидел по телевидению новый документальный фильм Никиты «Отец», снятый к девяностолетнему юбилею С. В. Михалкова. Как всегда, ночью (днём пробиться к нему сложно)

я позвонил Никите и высказал своё отношение к его новой кинематографической исповеди.

— Я хочу представить твой фильм «Отец» на «Золотой Витязь»...

— А хочешь — мать?

Я улыбнулся, думал, он шутит.

— Да нет, правда, — сказал Никита, — я вчера закончил фильм о маме.

— Тогда мы представим оба фильма как диологию. Ты не возражаешь?

— Хорошо.

На следующий день получил от Никиты кассету с фильмом «Мама». Выбрал спокойный час перед сном, поставил кассету.

К концу просмотра ощущал спазмы в горле. Фильм тронул моё сердце. Ведь я любил Наталью Петровну и был ею любим. Несмотря на двенадцатый час ночи, позвонил Никите:

— Я целый час побыл подле твоей мамы.

— Ты смотрел фильм?

— Да, только что закончил просмотр.

— Да? — оживился Никита. — Ну и как?

— Это гимн не только твоей матери, твоему роду, это гимн русской семье. Для меня это всё очень близко. В моей жизни были три настоящие женщины: моя мама, моя тётя Фая и твоя мама. Благодаря им мы живём, верим и трудимся. Мы покажем фильм на открытии фестиваля в Калуге, и ты должен его представить.

— Но я в это время в Каннах как официальное лицо от Союза кинематографистов.

— У нас твоё присутствие более важно.

Никита начал высчитывать дни и свои обязанности в Каннах. Обещал приложить все усилия и приехать.

— А ты уверен, что это можно показывать на открытии фестиваля? Ведь фильм-то небольшой, — в голосе Никиты слышались не свойственные ему нотки нерешительности.

— Часовой фильм, — ответил я, — вполне достаточно.

— Но ведь фильм-то телевизионный. Как ты его будешь показывать?

— Очень просто... поставим в театре видеопроектор и большой экран.

Никита мчался из Москвы в сопровождении машины калужской милиции, поджидавшей его на границе области. Я то и дело созванивался с ним, пытаюсь понять, где он находится и когда появится в театре. Он лишь отвечал:

— Коля, я не знаю, где я, но я лечу...

Я затаил открытие на двадцать минут, до появления Никиты. В зале мы сидели рядом. По окончании фильма «Мама» зрители устроили автору овацию. Никита поднялся, бегло оглядел зрителей, словно не веря тому, что его «семейный», исповедальный фильм встречен столь сердечно.

Я затаил открытие на двадцать минут, до появления Никиты. В зале мы сидели рядом. По окончании фильма «Мама» зрители устроили автору овацию. Никита поднялся, бегло оглядел зрителей, словно не веря тому, что его «семейный», исповедальный фильм встречен столь сердечно.

Я затаил открытие на двадцать минут, до появления Никиты. В зале мы сидели рядом. По окончании фильма «Мама» зрители устроили автору овацию. Никита поднялся, бегло оглядел зрителей, словно не веря тому, что его «семейный», исповедальный фильм встречен столь сердечно.

Я затаил открытие на двадцать минут, до появления Никиты. В зале мы сидели рядом. По окончании фильма «Мама» зрители устроили автору овацию. Никита поднялся, бегло оглядел зрителей, словно не веря тому, что его «семейный», исповедальный фильм встречен столь сердечно.

Я затаил открытие на двадцать минут, до появления Никиты. В зале мы сидели рядом. По окончании фильма «Мама» зрители устроили автору овацию. Никита поднялся, бегло оглядел зрителей, словно не веря тому, что его «семейный», исповедальный фильм встречен столь сердечно.

Я затаил открытие на двадцать минут, до появления Никиты. В зале мы сидели рядом. По окончании фильма «Мама» зрители устроили автору овацию. Никита поднялся, бегло оглядел зрителей, словно не веря тому, что его «семейный», исповедальный фильм встречен столь сердечно.

Но овация не смогла. Зрители партера и балконов, поднявшись со своих мест, стоя приветствовали автора. Внезапно Никита резко склонил голову и стремительно пошёл на выход. Я — за ним. Догнав, положил руку на его плечо, а он, словно локомотив, влёк меня в дальний затемнённый угол фойе. Дойдя до стены, остановился, в глазах его стояли слёзы. — Коля, — сказал он, — если б ты знал, как трудно быть и внутри фильма, и вовне...

Никита с трудом сдерживал слёзы.

В этот вечер в Калуге произошла ещё одна победа моего друга. Победа Художника, не боящегося обнажать своё сердце перед окружающими, которые подчас могут и камнями забросать...

Узнав решение жюри о присуждении дилогии Никиты гран-при, я позвонил и поздравил друга с победой. Он был искренне потрясён и обрадован... — Такого ещё не было, — сказал он и обещал приехать на закрытие.

Осенью этого же года на открытии театрального «Золотого Витязя» Никита вручил высшую награду — золотую медаль имени Н. Д. Мордвинова «За выдающийся вклад в театральное искусство» — великому сербскому режиссёру и актёру, нашему общему с Никитой другу Стево Жигону. Я заказал в иконописной мастерской подарок «неверующему» Стево — икону Спасителя. Когда Никита на сцене вручил ему икону, я, стоя рядом с ними, шепнул Стево:

— Поцелуй икону.

И «атеист» Стево Жигон, быть может, первый раз в жизни, благоговейно и продолжительно приник губами к иконе. Вскоре «атеист» Стево скончался. Его дочь рассказала, что в это время у них в доме шёл ремонт, из комнаты отца вынесли всю мебель, кроме его постели. Стево попросил оставить в его изголовье икону Спасителя и приз «Золотой Витязь», под которыми и перешёл в жизнь Вечную.

Вечер шестидесятилетнего юбилея и проводов Никиты «на пенсию», несмотря на многолюдность и присутствие большого количества VIP-персон, прошёл неформально и весело. Никита своей режиссёрской волей направлял течение юбилея, оживляя его шутками в адрес тостующих: министров финансов и МЧС, главы администрации президента, вице-премьеров... Выступая, я в шутку сказал, что ввёл в режиссуру двух гениальных режиссёров — Андрона и Никиту. — И Тарковского! — ввернул Никита.

В 2006-м последовал и мой «выход на пенсию». Накануне, на закрытии Московского международного кинофестиваля, Никита сказал:

— Нужно снять фильм о тебе к юбилею.

— Да, уж если не ты, то никто не вспомнит...

— Ты хочешь, чтобы снимал Виталий Максимов?

— Да. Виталий был первым на российском телевидении, кто прорвал блокаду вокруг моего имени после «Лермонтова». Виталий больше других в теме... Да и времени-то осталось всего месяц...

— Надо договориться с «российским» каналом... — сказал Никита и перевёл разговор на недавно увиденный им фильм «Мастер и Маргарита», на моего Иешуа Га-Ноцри, который ему понравился. — Да... ты шёл на большой риск...

Двадцать седьмого августа 2009 года скончался Сергей Владимирович Михалков. Освободился от пут зависти, сопутствовавшей всей его жизни. Как не завидовать: с молодости — лауреат всевозможных наград, автор текстов гимнов СССР и России, под которые страна засыпает и просыпается вот уж семь десятков лет. Небожитель, приближённый к вождам, заикающийся и благополучный... Когда мы познакомились в 1959 году, он был на вершине общественного признания. Распускали сплетни: «Михалков — миллионер... У него открытый счёт в банке... У Михалкова всё по благу...» Всё повторяется: раньше завидовали Сергею Михалкову, сегодня завидуют его сыну Никите.

Частьенко Сергей Владимирович, восседая за рулём своей «Волги», возил нас с Никитой на дачу на Николину гору, а мы, тринадцатилетние отроки, сидя на заднем сиденье, внимали редким, но метким высказываниям классика-отца. При встрече со мной Сергей Владимирович шутил: — Ты что меня пе-передразниваешь?.. Будем за-заикаться на пару?..

Тёплые, уютные семейные застолья... Острый юмор отца, изысканность и добросердечность мамы... Зимними ночами мы прислушивались к весёлым разговорам взрослых... До сих пор я сохраняю память об удивительном, русском, тёплом, наполненном взаимной любовью мире семьи Михалковых. Я не обольщался мыслью, что я, мальчишка, могу что-то значить для Сергея Владимировича. Кто я — и кто он?! Однако его мгновенная реакция на мою неожиданную проблему меня поразила.

После фильма «Андрей Рублёв», имевшего большой резонанс на Западе, мой друг Савва Ямщиков попросил меня дать интервью шведской журнальке, председателю Общества шведско-советской дружбы Альме Браттен. Наша встреча началась в валютном баре гостиницы «Националь», где мы мирно ужинали и беседовали, а закончилась в комнате милиции гостиницы «Москва», куда меня препроводили двое молодцев в штатском. К счастью, когда меня вели из «Националя» в «Москву», меня увидел друг нашей семьи и сообщил о происшедшем моей маме.

Допрос, хамское обращение, обыск до носков... Меня подвёл брелок, приделанный к ключам, — железный немецкий крест, оставшийся от съёмок «Иванова детства».

— Ах, так ты — поклонник фашистов... Что ты делал в баре?

— Я а-артист... Давал и-интервью...

— Какой ты артист, заика?... Что-то мы тебя нигде не видели...

— П-плохо знаете кино...

— Заткнись! Да мы тебя на пять лет укатаем...

Запахнули в воронку, доставили в пятидесятое отделение милиции, посадили в камеру, закрыли засов. Сажу, размышляю о печальной перспективе предстоящей жизни в неволе в ближайшие пять лет... Сидел недолго, может быть, час, но, словно перед казнью, в сознании промелькнула вся моя недолгая жизнь... Наконец под натиском моей мамы выпустили с протоколом в руке: «Штраф 50 рублей. За приставание к иностранным туристам у гостиницы „Националь“».

Дома, не понимая, что же мне теперь делать с этой «чёрной меткой» на моей биографии, я позвонил Никите. Выслушав мой взволнованный рассказ, он передал трубку отцу. Реакция Сергея Владимировича была мгновенной:

— Сейчас я за тобою приеду, выходи.

От улицы Воровского, где жили Михалковы, до Горького, 6, где жил я, — не так далеко. Через пятнадцать минут я уже сидел в «Волге» Сергея Владимировича, лихо затормозившего у арки моего дома, а ещё через пять минут мы входили в подъезд легендарной «Лубянки». По длинным коридорам нас провели в большой зал. Без промедления к нам вышли два солидных человека с внимательными лицами, в штатском, в ранге (не менее) заместителей председателя КГБ. Представив меня, рассказав анекдот, расслабив чекистов. Посмеявшись, Сергей Владимирович переключил внимание всех на меня:

— Ну, рассказывай...

Я подробно изложил своё приключение.

— Почерк не наш, — обронил один из чекистов, — это милиция. Пойдите в соседнюю комнату и запишите то, что рассказали нам.

Спустя несколько дней я получил официальное извещение: «...Ваше дело закрыто. Виновные в Вашем задержании наказаны. Изъятый у Вас железный крест возврату не подлежит, уничтожен...» Сергей Владимирович позвонил мне, довольный, сообщил:

— Твоих обидчиков разжаловали и отправили работать на дальний рынок.

Кто я был для С. В. Михалкова, чтобы он тратил своё время и энергию на возню со мной? Приятель его младшего сына, мальчишка, которого он видел-то всего несколько раз... Он и своих-то детей не баловал особым вниманием и лаской, а тут ради меня, в общем-то, постороннего пацана, бросив все дела, как орёл за своего орлёнка, мгновенно спикировал и атаковал моих обидчиков. Это был «момент истины», мгновение подлинного

Сергея Владимировича Михалкова. Как похожи были реакции отца и сына: мгновенный, без промедления, ответ на сигнал «SOS», полученный от ближнего. Это происшествие сердечно спаяло нас. И хотя мы впоследствии виделись с Сергеем Владимировичем нечасто: то — в общественном месте, то — у Никиты на дне рождения, — я всегда подходил к Сергею Владимировичу, обнимал и говорил ему что-то сердечное. Память о его добром поступке навсегда пребудет со мною.

Ушёл «последний из могикан» — Сергей Михалков. С ним ушла целая эпоха, но остался пример красивой, талантливо прожитой жизни, проблеск светлого человека в царстве теней. Вечером по телевизору показали фильм Никиты «Отец» — исповедь об отце и перед отцом. В день, когда душа раба Божьего Сергея разлучилась с телом, исповедь эта приобрела свет истины на все времена, качество свидетельства об удивительном человеке, об эпохе, о русской культуре, о России, которой неизменно служит этот древний русский род.

Утром моего шестидесятилетнего юбилея, принимая звонки, услышал голос, который не признал:

— Я хотел тебя поздравить первым, но меня опередила Арина Шарапова по первому каналу.

— Это кто? — спросил я.

— Кто-кто — конь в пальто. Никита...

Я поблагодарил друга за поздравление и за подарок — фильм «Колокол Николая Бурляева», снятый его студией «ТриТэ» буквально за несколько дней до юбилея, который мне ещё только предстояло увидеть в тот вечер по телевизору.

— Хотя узнаю, что ты обо мне нынче думаешь...

— Да я о тебе там столько наврал!...

— Когда выберешь время повидаться — позвони. Давно пора попариться в баньке, поговорить... Ведь делаем одно дело, любим друг друга... А то так и перейдём в мир иной, не поговорив толком в этом...

— Коля, — ответил Никита, — любовь — это не когда глаза в глаза, а когда — в одну сторону...

В этот день мне позвонили настоятели трёх храмов Москвы и Подмосковья. Все трое пожелали одного и того же — спасения моей души. Есть о чём поразмыслить... Человеку свойственно откладывать строгий суд над собой в долгий ящик, ссылаясь на нехватку времени, надеясь на безразмерно долгую жизнь. А жизнь-то, как показывают юбилейные даты, весьма быстротекущее явление. Человеку присуще заниматься самолюбованием, самооправданием, преувеличением значения своих деяний. Как говорил Лермонтов: «Каждый гном почитает свои труды великими...» Не переоценить бы своего земного значения. Ведь там будут судить по Божьим законам.

Тускнеет зоркость, в сытости живя:
Благополучие считать за наказание,
Всё принимать спокойно, не скорбя,
И даже в смерти не забыть дерзання!

Не знаю, как мой друг Никита, а я, пожалуй, впервые задумался о спасении души. Перевесит ли чаша добрых дел и бескорыстного служения Отечеству чашу повседневных, обыденных и потому не заметных для сознания грехов?.. Как бы то ни было, живём мы и служим Святой Руси. На семейном юбилейном ужине я попытался внушить своим детям мысль, выстраданную за долгие годы. Мысль проста: много подвижников, героев и гениев было на Руси—Сергий Радонежский, Илия Муромец, Александр Невский, Серафим Саровский, Суворов, Кутузов, Ушаков, Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Мусоргский, Рахманинов, Чайковский, Есенин, Шукшин, Бондарчук, Тарковский... Да разве всех перечислишь?.. Тысячи великих душ... Несметно богата достойными именами Россия. Много праведников и гениев существовало на Руси, а Россия—одна! Ценность и значение каждого из них и смысл существования каждого из нас лишь в том, сколько мы сможем послужить Господу и России. Всё прочее—суета, и тлен, и томление духа и не имеет никакого значения. После русского чело- века на земле остаётся лишь мера его служения Отечеству, а в Вечности—мера служения Господу.

А коли так, какова же истинная цена всей этой рыночной кино-теле-театральной суете? Что останется от мелочного, тщеславного мельтешения по экрану и по подмосткам, от тотального кино-бизнеса, от искусства, превратившегося в доходный промысел? Кого из деятелей театра и кино вспомнит Россия через сто-двести лет? Станиславского, Бондарчука, Шукшина, Тарковского... Народ будет сохранять память лишь о тех, кто служил Господу и Отечеству.

Пришло время выступать Никите на своё «Куликово поле». Сколько же он взвалил на свои плечи! Руководство Союзом кинематографистов, которое лично ему ничего не даёт, кроме проблем и траты собственных средств. Сколько же успел сделать этот гигант за годы своего правления! Создал фонд «Урга—территория любви». Разумно учредил его не в лоне российского Союза, понимая, что если бой будет проигран, фонд захватят маленькие и серые корыстолюбцы. Ныне этот фонд помогает продлевать жизнь нашим коллегам. Фонд помогает Санкт-Петербургу, Новосибирску, Уфе, Казани, Екатеринбург, Ростову, Самаре, Владикавказу, Нальчику, Туле, а также Риге, Киеву, Кишинёву—а это уже ближнее зарубежье. Никиту упрекали в том, что он мало внимания уделяет Союзу, редко бывает на рабочем месте, снимая фильмы,

поднимающие имидж России. Но даже если он не сидел в своём кабинете, его именем решались все проблемы Союза: сотни писем уходили в высшие инстанции, удовлетворялись нужды коллег— жильё, звания, материальная помощь, больницы, санатории, похороны... Кто сможет делать столько полезного и привлекать внимание руководства государства к проблемам отечественного кинематографа? Кто сможет противостоять раскольнической, «иудиной» деятельности некоторых членов Союза, составивших «пятую колонну», вернее, маленькую, но крикливую «колонку», борющуюся с председателем Союза и вождедующую разорвать сообщество российских кинематографистов?

В 2012 году, поднявшись по ковровой лестнице Московского международного кинофестиваля, я подошёл к Никите. Он, в элегантном смокинге и белом шарфике на плечах, встречал гостей кинофестиваля. Обнявшись и по-православному трижды облобызавшись, Никита шепнул:

— Скоро поработаем.

— Наконец-то,—ответил я другу, ещё не зная, что он затевает.

По завершении Московского международного кинофестиваля Никита пригласил меня полететь с ним в Нижний Новгород в узком составе (пятнадцать звёзд кино) на традиционное «Эхо ммкф». Поговорить с Никитой в эти два дня было физически невозможно. Он в постоянном окружении сми и vip-персон, разрываемый на части.

После открытия «Эха» погрузились на теплоход и пошли по Волге. Лето, солнышко ласковое. Увидел Никиту, сидящего в полном одиночестве на палубе, подставившего солнцу свой могучий обнажённый торс, спустился, сел рядом, положил руку на его шею, сказал:

— Гони ты от себя этих педерастов...

— Кого?..—шея Никиты напряглась.

— Отборщиков своих. Что они тебе понесли на фестиваль?.. Фильмы про голубых, лесбиянок, «мягкое порно» Тинто Брассо?..

— Да ладно,—Никиту мои слова явно задели.—Что ты брюзжишь... младо-православный?..

— Ты тоже православный. Ведь там будем отвечать за всё.

В наш разговор неожиданно вторглась Наташа Андрейченко. Не поняв толком, о чём идёт речь, она попробовала поддержать Никиту, а он поднялся и пошёл по своим делам.

Я рассказал Наташе, что я имею в виду, заодно попеняв ей:

— А ты что там играешь в Голливуде?.. Каких-то вурдалачек... Сколько там на экране мерзости, голубых и розовых...

Наташа согласилась и сказала:

— Да... Один крупный американский режиссёр попробовал поднять тему засилья гомосексуалистов

в Голливуде... Так на него подали в суд, и он проиграл.

Вскоре я узнал, что Никита приступил к постановке фильма «12». Однако приглашения мне участвовать в этом проекте не последовало. Через положенное время я увидел готовую картину. Она мне очень понравилась — ничего общего с нашими молодыми «12 разгневанными мужчинами». Русская драматургия, актуальные для сегодняшней России проблемы, замечательный актёрский ансамбль, мощная михалковская режиссура.

Узнав о присуждении Никите «Золотого льва св. Марка» за фильм «12», позвонил ему в Венецию, поздравил с наградой.

— Ты поменял концепцию?..

— Да.

— Я понимаю тебя и поздравляю с победой — жаль, без моего участия.

В сентябре того же года, проводя в Тбилиси фестиваль «Эхо МКФ „Золотой Витязь“», пригласил Никиту полететь с нами. Он, привязанный к новгородским лесам и своему новому проекту «Утомлённые солнцем», вырваться никак не мог, но одну копию фильма «12» выдернул из премьерного кинопроката для показа в Тбилиси. Никита посетовал, что грузины допустили и терпят параноика-президента, что некоторые из грузинских кинематографистов, обласканных в России, за счёт которой жили и живут, процветая и развивая свой личный бизнес, требуют «обуздать русских агрессоров».

В центральном кинотеатре «Амирани» собралась вся интеллигенция Тбилиси: Резо Чхеидзе, Софио Чиаурели, Эльдар Шенгелая... Зал, вмещавший около двух тысяч человек, был переполнен. Три часа, пока длились открытие и фильм, люди стояли у стен в проходах. Бурно реагировали на фильм Никиты, особенно на монолог грузинского героя о ножах и «авлабарском детстве». По окончании долго аплодировали, со слезами на глазах благодарили за подаренную Никитой радость.

В 2008 году на торжественной церемонии закрытия очередного МКФ «Золотой Витязь» в Доме кино министр культуры А. А. Авдеев вручил Никите наш гран-при за фильм «12».

В ответном слове Никита сказал:

— За семнадцать лет, как стойкий оловянный солдатик, Коля Бурляев, начав свою карьеру в курсовой работе моего брата «Мальчик и голубь», стал крупнейшим актёром нашего великого кино. Семнадцать лет он посвящает тому, чтобы удерживать этот аб-со-лют-но (он по слогам произнёс это слово) необходимый нашей стране и нашему миру фестиваль. Трудно!.. Ирония всесжигающая!..

Пресса, которая мочит нас как хочет... Огромное количество вопросов, непонятностей: нужен?... не нужен?... не национализм ли это?... И так далее и так далее... Коля Бурляев и его товарищи: наши сербские друзья, болгарские друзья — люди славянского мира и не только... здесь и прекрасная мексиканская картина, и китайская, и картины двух десятков других стран... — это люди, которые понимают, что вот эти слова, написанные здесь (он показал рукой на транспарант, растянутый над всей сценой: «За нравственные, христианские идеалы, за возвышение души человека»), — это не просто слова, это реальная наша сегодня необходимость. Это необходимость всегда, а сегодня — особенно!..

Никита обратился к министру культуры, стоящему рядом с ним:

— Александр Алексеевич, вы первый раз вручаете приз на Родине в качестве министра культуры?..

— Первый, — ответил министр.

— Я очень рад, что это произошло именно на этом кинофестивале. Это знаковое событие...

В декабре 2008 года случился очередной шабаш серой московской киномассы — седьмой «съезд» кинематографистов. Двести разъярённых «декабристов-михалковофобов», мелкой россыпью рассеянных в тысячеместном, на две трети пустующем зале Дома кино, выглядели хилой, но озлобленной стайкой. Всё это мы уже однажды проходили — в 1986 году, на пятом съезде. Тогда распинали С. Ф. Бондарчука и СССР, теперь — Михалкова и Россию. Как и два десятилетия назад, всё те же «серые и кусачие» затеяли новый переворот: «демократически» не выбрали делегатами никого, кто мог бы противостоять их заговору, — ни Наумова, ни Ливанова, ни Хотиненко, ни Тодоровского, ни даже председателя Союза кинематографистов Михалкова. Меня выбрали от Гильдии актёров кино. «Серые» подготовились основательно. Никита же не предпринял никаких предвыборных действий и оказался в одиночестве. Куда делись все его многочисленные «друзья»? Переживая за него сердцем, поддерживая друга, я сел на пустующее рядом с ним место в первом ряду, и на протяжении двух дней мы сидели плечом к плечу. С самого начала «съезда» Никита объявил о нарушениях при выборе делегатов, что привело к нелегитимности данного собрания. Он предупредил, что Минюст не примет решений несостоятельного «съезда» и что он не намерен делать отчётный доклад. О несостоятельности данного собрания заявил и заместитель министра культуры А. Голутва. Попросив слова одним из первых, я тоже подчеркнул бесполезность происходящего. Сказал, что для меня, знающего Никиту с детства, было загадкой, почему он согласился возглавить Союз тогда, когда он был разрушен

и разворован до основания. Ведь ему предлагали и более высокие посты — например, министра культуры СССР. Он же принял на свои плечи расхищенный предшественниками, гибнущий Союз кинематографистов. И сделал он это только потому, что любит кино и своих коллег. Он не стал заводить уголовных дел на проворовавшихся товарищей, по-христиански простил их. За эти годы Михалков не только удержал Союз на краю пропасти, но оживил и сделал первые шаги к его возрождению. Некогда три авантюриста — Ленин, Троцкий и Свердлов — казнили царскую семью и государя Николая. Убили его потому, что он был удерживающим. Последовали кровавые годы России времена. Никита Михалков все эти годы был удерживающим для Союза кинематографистов. Являясь по сути своей государственным, он старался уберечь Союз от раскола, как единый российский Союз. Михалков — безусловный всенародный и всемирно признанный лидер кинематографа. Кто достоин сменить его на этом посту? Кто может сделать для Союза больше, чем он? Если Михалков покинет Союз, то и мне здесь делать будет нечего. Когда я спустился со сцены и сел рядом с Никитой, он стукнул меня по колену и сказал: — Дружбан!

Большой любитель выступать, я несколько раз за эти два дня поднимался к микрофону. Особенно меня возмутило, когда на второй день на председательское место сел склочный серый кинокритик. Я напомнил залу, как на пленуме 1999 года кинематографисты приняли единодушное обращение в поддержку братской Югославии, подвергшейся бомбардировкам НАТО. Как тогда этот «критик» выкрикнул из зала, что он против этого обращения. Как взволнованный Евгений Матвеев, взметнувшись со своего кресла, выбросил в сторону «критика» свою руку, словно гранату, и гневно крикнул: «Да там людей убивают!» Хилая «огневая точка» была подавлена. А Никита спокойно, с присущим ему юмором подытожил: «Но мы уже проголосовали за поддержку обращения. Если, господин Матизен, у вас есть иная точка зрения — можете обратиться в НАТО».

И вот теперь этот «серый критик» пытается руководить нами?! Я потребовал замены такого «председателя», но, естественно, не был поддержан его поделщиками.

На исходе первого дня этого шабаша к Никите поступило множество обращений от делегатов со всей России с просьбой о встрече, и он предложил желающим спуститься вниз, в конференц-зал. Он встал и направился к выходу, я за ним, за нами — остальные. Нам в спину шипели: «Предатели». И без того немногочисленное собрание обезлюдело больше чем на треть. В конференц-зал набилось около ста пятидесяти человек. Никита спокойно объяснил собравшимся положение дел: интригу

«московского союза» по захвату власти, их намерение расчлнить Союз кинематографистов России. Сказал, что он, как председатель Союза, имеет право собрать на настоящий съезд не четыреста кейлейно выбранных делегатов, а всех членов Союза со всей России.

На следующий день начали выдвигать кандидатуры на пост председателя Союза кинематографистов. Назвали несколько фамилий, в том числе и меня. Каждый из кандидатов, в том числе и я, отказался от этого поста. Отказались все, кроме М. Хуциева. Его и выбрали. Только вот вопрос: зачем выдающемуся кинорежиссёру на склоне лет подобная головная боль и обречённость на бесславную «дружбу» с расколниками? Было ясно, что его подталкивают в спину недруги Никиты, которые предполагают руководить Союзом за спиной восьмидесятитрёхлетнего мэтра.

Вскоре после этого судьба столкнула нас в белградском четырёхтысячном зале «Сава-центра» на большом празднике сербского народа, куда мы с Никитой прибыли, не сговариваясь. Учитывая занятость располагавшего всего двумя часами свободного времени Михалкова, сербское руководство предоставило арендованный в Испании самолёт. Поприветствовав собрание, Никита должен был вылететь в Москву и пригласил меня лететь с ним. Это было за несколько дней до собираемого Никитой легитимного Съезда кинематографистов. Мы, сидя в салоне друг против друга, проговорили всю дорогу. Помню свой вопрос:

— А если тебя снова изберут председателем Союза?..

Никита ответил после мучительного раздумья: — Коля... Я не могу больше... Ну зачем мне это нужно?..

В его глазах была неподдельная мука и боль. — Но если не ты, то — кто же?!

Спустя ещё несколько дней я приехал к нему в студию «ТриТэ» взять интервью для своей телепрограммы на «Спасе». Мы говорили обо всём прямо, открыто, без утайки. Я сравнил настоящую ситуацию с тем, что мы пережили в период «перестроечной» травли С. Ф. Бондарчука. Сегодня практически та же стая «серых и кусачих» пытается затравить нового лидера — Никиту Михалкова. На это он с грустной улыбкой ответил: — Я не столь талантлив, как Сергей Фёдорович... со мной этот номер не пройдёт.

Нельзя сказать, что я всегда разделял действия Никиты, доверчивость окружению частенько предававших его выдвиженцев. В 1994 году, когда он вдруг решил поддержать Ельцина, я спросил его: — Почему ты это делаешь? Ведь ты же был против расстрела им Белого дома!

— Ты понимаешь... ведь эти уже насосались, но могут прийти другие... ненасытные...

Мне не нравились многие персоны, продвигаемые им на руководящие посты. Я переживал, что мы, имеющие одни цели, делающие одно дело, так редко видимся и никак не координируем наши действия, тогда как стая «серых и кусачих» весьма сплочена. Понимал, что он самодостаточен, борется в одиночку, по принципу «и один в поле воин», не нуждается в моей прямой поддержке... Мне не хватало моего друга многие годы, но я глушил свою печаль и посибно продолжал поддерживать его во всех начинаниях. Однажды я сказал Никите:

— Помнишь, в детстве ты говорил мне: «Коля, ты гений». Я тебя очень люблю. Теперь я тебе говорю: я тебя очень люблю. Гораздо больше, чем в детстве.

Утром Прощёного воскресенья первого марта 2009 года, направляясь в храм на литургию, отправил Никите смс-ку: «Никитушка! Прости меня за всё. Вместе мы— 50 лет. Вместе нам до конца. Люблю тебя. Твой друг Колька». И сразу прилетел ответ: «Бог простит, и я прощу! И ты прости меня за всё, Христа ради, Коленька! Твой Никита».

Тридцатого марта 2009 года прошёл исторический чрезвычайный съезд Союза кинематографистов России. Как и одиннадцать лет назад, Никита пригласил в Москву всех членов СК. В Гостиный двор, к стенам Кремля, съехалось около двух с половиной тысяч кинематографистов со всей России. Это был настоящий праздник единения большинства вокруг своего признанного лидера. Столько знакомых знаменитых лиц, собранных в одно время в одном месте и охваченных единым порывом, я давно не встречал. В первых рядах— старейшины: В. Наумов, М. Ножкин, И. Макарова, Г. Боровик, В. Давыдов, В. Васильева, И. Скобцева, Г. Натансон, В. Юсов, Я. Лапшин, А. Петренко, С. Шакуров, Н. Губенко, Ж. Болотова, С. Любшин, А. Вертинская, А. Михайлов, М. Пореченков, А. Снаткина, Ю. Назаров, Л. Зайцева, Н. Бондарчук, И. Мирошниченко, В. Хотиненко, С. Соловьёв, Д. Месхиев, Е. Герасимов, С. Никоненко, А. Малюков, Е. Леонов-Гладышев— всех не перечислить...

Никогда я не видел Никиту столь собранным, открытым и волевым, как в эти дни. Перед собравшимися предстал исполин, воин кинематографа, Пересвет, вышедший на своё Куликово поле, на битву за своё честное имя, за всех нас, за русский кинематограф, за духовное будущее России. Я давно ожидал этого момента, когда Никита поднимет своё забрало и выскажется прямо, ибо отступать некуда: «за нами—Россия». Его речь, продолжавшаяся два часа, была настоящей сагой о фарисеях, вязавших его по рукам и ногам одиннадцать лет его правления, саботировавших все

его благие намерения, лгавших и клеветавших на своего председателя, ожидавших, когда же он споткнётся, чтобы, навалившись на него всей «московской сворой», растерзать, как некогда они растерзали великого С. Ф. Бондарчука. Речь была яркой и мускулистой и, несмотря на свою продолжительность, держала собравшихся в непрестанном внимании. А оратор всё наращивал энергию наступления, шёл от кульминации к кульминации. И негде было просочиться шипению врагов.

Особенно потрясла та часть речи, когда он, с документальным приложением, начал раскрывать «тайны мадридского двора»— похищения у пяти тысяч членов СК некогда принадлежавшего всем нам Киноцентра на Красной Пресне. Помню, как на заре перестройки нам, кинематографистам, объявили, что все мы, пять тысяч членов СК, становимся акционерами этого гигантского (двадцать одна тысяча квадратных метров!) дворца. Радость наша была непродолжительной. Очень быстро узнали, что мы (пять тысяч членов СК) выведены из числа акционеров, а завладели им пятнадцать наших проворных коллег. Никита впервые назвал имена «героев», похитивших у нас нашу собственность: Ибрагимбеков, Говорухин, Бардин, Финн (Хальфин), Гусман, Дыховичный, Шербаков, Ярмольник, Волчек, Рошин, Ланской, Мурса, Мотыль, Фатеева, Цимбал. Это потрясло и всех собравшихся. Как же эти люди будут теперь жить и смотреть в глаза тем коллегам, которых они практически обокрали?

Дважды, и в первый, и во второй день съезда, мне пришлось выступать. В первый день я сказал о михалковофобии, о том, что зависть— мерило успеха, что быть первым на Руси— тяжёлый крест, о позитиве руководства Н. С. Михалкова, о достойном представительстве им Союза кинематографистов в высших инстанциях, о привлечении внимания руководства государства к проблемам кинематографа, о том, что никто другой не пожертвовал семьсот тысяч долларов на помощь своим коллегам Н. А. Крючкову, С. С. Росточку, В. И. Соловьёву, Г. С. Жжёнову, В. Дворжецкому, семье Геннадия Шпаликова, на операции Варлей и другим кинематографистам, об оказании помощи втику, коллегам из Санкт-Петербурга, Новосибирска, Уфы, Казани, Екатеринбург, Самары, Ростова, Владикавказа, Нальчика, Тулы, Риги, Киева, Кишинёва, о помощи детским домам, интернатам и даже тем, кто не любит Михалкова. СК работает уже без долгов. В Доме кино проводятся серьёзные, духовно полезные программы, фестивали, творческие вечера, поддерживается жизнь Дома ветеранов кино... Издаются книги С. Бондарчука, Ю. Озерова, Н. Мордвина. Никита организовал благотворительный фонд «Урга—территория любви», ежегодно расходуемый по миллиону долларов на помощь своим ближним. Кто может

сегодня быть более эффективным руководителем Союза?

Съезд подавляющим большинством голосов: две тысячи — «за», сто семьдесят один — «против», — вновь избрал председателем Союза кинематографистов Никиту. Зал нескончаемо аплодировал. Я первым поднялся со своего места, за мною — остальные. Никита стоял на трибуне и едва сдерживал слёзы. Это были слёзы воина, одержавшего победу в тяжёлом бою, в котором победа вовсе не была гарантирована, слёзы обиды за несправедливую ненависть к нему и клевету, которой он подвергался на протяжении одиннадцати лет и трёх последних, невиданных по огульности, месяцев травли и шельмования в СМИ, на которую нашими «коллегами» были израсходованы сотни тысяч долларов из банков США. И вот он вышел из боя победителем, отстоявшим в этом бою и себя, и всех нас. Никита попросил меня работать в правлении СК. Впрочем, я и так бы помогал своему другу всем, чем могу. Общее ощущение от съезда — как у летописца битвы на Куликовом поле: «В зал вошла разрозненная масса, вышел — монолит!»

Когда заканчивался съезд, мне позвонили с телевидения и предложили прийти в программу В. Соловьёва «К барьеру». Я сказал, что правильнее предложить Н. Михалкову, который компетентнее меня в данном вопросе, поднялся к нему на сцену, предложил...

— Я не могу, — устало ответил Никита, — пойди ты.

Я пошёл, хотя противника, вызвавшего меня на «дуэль», некоего документалиста Манского, совсем не знал. Кто такой? Что знаменитого снял? Его коллеги говорят, что снимает явный негатив, тем и прославился. Вызов я принял. У «барьера» видел перед собой явно нервничающего противника. Поединок я выиграл с перевесом в четыре с половиной тысячи голосов, но ощущения полной победы не осталось. Поскольку правда была за мной и за Никитой, я ожидал большего отрыва. Этот поединок выявил печальную картину духовного расщепления российского общества.

Двадцать второго мая 2009 года Никита прилетел в Липецк на МКФ «Золотой Витязь». Приём в честь открытия форума проходил под открытым небом, за городом, подле аэропорта, куда на попутном вертолёте приземлился Никита, опоздав к трапезе на полчаса. Но встретили мы его праздничным салютом, на который он, впрочем, не успел полюбоваться, поскольку непрерывно говорил по телефону.

Утром двадцать третьего мая в конференц-зале администрации губернатора состоялось, пожалуй,

главное событие нашего форума: круглый стол российской делегации с участием всех зарубежных делегатов фестиваля. Тема — «Российский кинематограф сегодня и завтра». Никита призвал коллег «определяться» на путях служения позитивному кинематографу и России. Подобного мощного собора выдающихся кинематографистов, секретарей и членов правления СК РФ, советников президента РФ и обеих палат парламента, политологов, философов, учёных я не видел за все мои пятьдесят кинематографических лет. А главное, не видел такого духовного, патриотического единомыслия. Вслед за Никитой на правах президента кинофорума я произнёс:

— Прежде чем говорить о российском кинематографе «сегодня и завтра», вспомним, каким был наш отечественный кинематограф «вчера», до так называемой перестройки. Советский кинематограф был поистине могучим. Великие режиссёры мира завидовали нам. Федерико Феллини в разговоре с Тарковским высказывал своё удивление тем, как функционирует кинематограф в России: стопроцентное финансирование, единая мощнейшая сеть государственного кинопроката, предоставляющая возможность одновременного показа по всей великой стране. А самое главное, какого высокого не только творческого, но и нравственного уровня достигали высшие творения наших кинематографистов, приносивших всемирную славу нашей стране: Эйзенштейн, Довженко, Чухрай, Герасимов, Ростоцкий, Бондарчук, Тарковский, Шукшин, Михалков, Панфилов, Тодоровский... Подавляющее большинство режиссёров носили в кармане партбилет, но при этом снимали поистине христианские фильмы, ставшие источником живой воды для миллионов людей на планете. Источник, к которому припадали и будут припадать грядущие поколения. Но это было светлое «вчера». Грянула перестройка, провозгласила наступление новой кинематографической эры. Что мы имеем сегодня? Почти до основания разрушенный и разрозненный государственный кинопрокат. Царство «торгующих во храме» новоявленных частных прокатных дельцов. Апологеты рыночного кинематографа, приторговывающие искусством кино, в эйфории сообщают народу о том, что всё идёт прекрасно. Построено около тысячи пятисот кинотеатров с «долби-стерео» и «попкорном в койку». Говорят, что в скором времени количество подобных суперкинотеатров возрастёт вдвое. Вроде всё красиво, а радости нет. Невольно задаёшься тревожными вопросами: а на чьи деньги построены эти кинотеатры? Оказываются, преимущественно — на иностранные. А что показывают эти кинотеатры? Заглянул как-то в один из них. Во всех залах — либо американское кино достаточно примитивного, пошлого содержания, либо российский «продукт», подражающий

«продукту» американскому. Киноискусство, с лёгкой руки лукавых телевизионных топ-менеджеров и обслуживающих их кинокритиков-рыночников, стали упорно называть «продуктом». О «кривом зеркале» насилующей зрителей примитивной эстрады и сериальных «продуктах» российского телевидения и говорить не хочется. Россию Пушкина, Лермонтова, Достоевского... Россию Эйзенштейна, Бондарчука и Тарковского год за годом, день за днём — «step by step» опускают всё ниже и ниже. Кинокритики, увенчанные степенями и солидным возрастом, уже отказываются серьёзно относиться к фильмам, говорящим о высоких идеалах. «А где же в вашем фильме гомосексуалисты? — вопрошают кинокритики. — Где любовь друг к другу девочек или, на худой конец, инцест?.. Это — не рейтингово! Неформат!» Имена этих критиков называть не стану. Кому надо, поймут, что это относится к ним. При вашем содействии, коллеги, ведётся разлагающая, лукавая работа по внедрению чужебесия в сознание наших детей. Хочется напомнить евангельские слова: «Невозможно не прийти в мир соблазнам, они должны прийти, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит». На протяжении двух десятилетий идёт последовательная вестернизация российского кино и телеэкрана, вытеснение, подмена традиционной духовно-нравственной сердцевины русской культуры, мутирование сознания новых поколений, нарождающихся на Святой Руси. Впрочем, вряд ли Русь станет святой при такой обработке. Невольно ещё и ещё раз вспомнишь откровение радио «Свобода», изречённое в эфир в самом начале перестройки: «Цель перестройки в том, чтобы произошла мутация русского духа. Нужно русских выбить из традиций». Очаги сопротивления этой чуме существуют. И сегодня, с великим трудом удерживая высоту, продолжают творить лучшие российские режиссёры: Михалков, Сокуров, Панфилов, Тодоровский, Абдрашитов, Прошкин, Бортко, Хотиненко... В документальном кино, несмотря на ликвидацию ЦСДФ и агонию «Леннаучфильма», не сдаются подвижники-одиночки: Мирошниченко, Гуркаленко, Лизнёв, Матвеева, Шиллер, Криницын и десятки других замечательных кинематографистов... Детский кинематограф практически умерщвлён. Российским детям приходится ориентироваться на Гарри Поттера, Шварценеггера и заокеанских анимационных монстров... Немудрено, что на уроках рисования сегодняшние дети рисуют не витязей, не Илью Муромца, не Ивана-царевича, а бэтменов, монстров, вампиров и одноглазых инопланетян. Что будет «завтра»? Во многом это зависит от всех нас. Пора осознать и нам, кинематографистам, и руководству государства, что экранные искусства есть духовно-стратегическое оружие нашей державы, и оружие это не должно служить массовому

духовному поражению народа. Необходимо кардинальное изменение российской культурной политики и её составной части — национального кинематографа. Нужно рекомендовать высшей государственной власти задуматься об утверждении нового национального проекта в области культуры и духовного развития нашего государства. Возродим культуру и кинематограф — преобразим жизнь нашего Отечества. Необходимо на порядок увеличить средства федерального бюджета на культуру и кинематограф. Культура и государственный кинематограф в России не должны жить по законам рынка, ставя главной целью извлечение прибыли всеми дозволенными и недозволенными методами. Российская культура, кинематограф и телевидение должны быть переориентированы на традиционные духовно-нравственные ценности. Необходимо введение системы государственного заказа со стопроцентным государственным финансированием кинопроизводства фильмов, способствующих духовному возрождению и укреплению нашей культуры и нашей страны. Пора задуматься о возрождении государственного кинопроката и разбазаренных киностудий. В первую очередь — киностудии детских и юношеских фильмов имени Горького. Кинематографическая политика Министерства культуры должна определяться в творческом содружестве с Союзом кинематографистов. Российские кинематографисты прошли свой переломный исторический момент, консолидировали позитивные силы нашего сообщества, продемонстрировали стране сплочённость подавляющего большинства вокруг созидательной миссии вновь избранного руководителя Союза кинематографистов, безусловного лидера российского и мирового кинематографа, творчеством своим и жизнью своей доказавшего преданность Отечеству и российской культуре.

Российские кинематографисты словно дождались, наконец, того, что они соединились на родной земле, могут говорить на родном русском языке о наболевшем за годы разрушительных, преступных деяний вождей перестройки, подвергших народ духовной деградации. Эмоционально и по существу говорили губернатор О. П. Королёв, политолог С. Е. Кургинян, советник президента РФ Ю. К. Лаптев, советник председателя Совета Федерации С. М. Миронова А. В. Шипков, депутат гд В. Р. Мединский, ректоры Щепкинского театрального института Б. Н. Любимов и вгика В. С. Малышев, народные артисты СССР и России И. В. Макарова, А. Я. Михайлов, В. В. Гостюхин, С. П. Никоненко...

Результатом культурной «Липецкой дуги», битвы за духовное будущее России, явился коллективный меморандум кинематографистов «Будущее Российского государства и текущие задачи национального кинематографа». Текст меморандума

Н. С. Михалков передал лично в руки президенту России и председателю правительства.

После этого удивительного собора, когда пресса перестала терзать по разным углам Никиту, губернатор устроил для нас с Никитой дружеский приём, где мы продолжили общение от сердца к сердцу.

Восемнадцатого ноября сотрудник Никиты пригласил меня на конференцию «Российская киноиндустрия—2009». Собралось множество народу, около двухсот пятидесяти журналистов. Выступать не предполагал, но, послушав речи благополучных кинорыночников, удовлетворённых процессом российской экранной деградации, произнёс антирыночную речь, напомнив собравшимся о духовной миссии кинематографа и обязанности государства уделять особое внимание поддержке позитивного кино. Выступая, Никита со свойственными ему примирением и толерантностью сказал о целесообразности и моей, и «рыночной» позиции. В перерыве ко мне подходили люди, благодарили, что-то говорили о «мощной волне, пущенной по болоту», «о наконец-то прозвучавшем голосе правды»...

В 2012 году, узнав об уходе с поста министра А. А. Авдеева, я позвонил Никите, задал вопрос: кто же будет новым министром?

— Есть пара кандидатур.

— В принципе, министром должен быть или ты, или я.

— Коля... Мне это не нужно, — вздохнул Никита, — а тебя они сожрут.

Я сказал, что, пока они будут точить зубы, я бы успел поставить Минкультуры с головы на ноги, поменять идейную направленность министерства, очистить от коррупционеров, перевести стрелки с пошло-рыночного на традиционный путь... Сказал, что вовсе не рвусь к этой должности, она мне не нужна, но, в отличие от чиновников, не стал бы цепляться за министерское кресло. Чувствуя, что Никита не разделяет мои воззрения, спросил:

— И кто же будет?

Он назвал имена двух возможных кандидатов, не вызвавших моего восторга. Сердце подсказывало, что прав я.

В 2014 году Никита сообщил мне, что я введён в Общественный совет Минкультуры, и добавил: — Только ты там — потише...

В этом же году в Томске прошёл XXIII МКФ «Золотой Витязь», я посетил воссозданную там стрелецкую слободу, стрелецкий воевода показал мне шкатулку с крестами шестнадцатого века и, указав на один из них, сказал: — Это крест Бесогона...

— А можете вы подарить этот крест Никите Сергеевичу Михалкову? — спросил я. — Имя Никита означает — Бесогон...

— С удовольствием, — не раздумывая, ответил воевода.

Я пригласил его на торжественную церемонию закрытия, попросив, чтобы он сел поближе к сцене.

Оставалось главное — чтобы прилетел Никита. Я пригласил его задолго до начала фестиваля, бесконечно перезванивались, переписывались, уточняли дату... На открытии присутствовать он не мог, обещал на закрытие. То, что Никита обещает, он, как правило, исполняет, но как будет на сей раз?.. Ведь его новый фильм находится сейчас в стадии завершения. Я, как режиссёр, хорошо понимал, что такое последний этап рождения фильма, когда твоё долгожданное дитя вместе с тобой уже в «родильном отделении». Как оторваться от него, пресечь пуповину, связывающую тебя, родителя, с твоим творением?..

Последние дни перед прилётом, последние уточняющие звонки.

— Всё идёт по плану, — успокаивал Никита, — готовимся к вылету. Со мною ещё четыре человека... Могу быть у тебя несколько часов... Когда я должен выйти на сцену?

— Приблизительно в девятнадцать тридцать.

— Ты прости, но ровно в двадцать я покину зал.

— Конечно.

— А почему ваши хозяева в Томске требуют большие деньги за стоянку самолёта?..

Я пришёл в замешательство:

— Я не знал об этом. Будь спокоен. Прилетай. Я всё улажу.

Сразу позвонил томскому министру культуры: — Вы хотите, чтобы на закрытии был Никита Сергеевич Михалков?

— О, конечно...

— Тогда предусмотрите средства за перелёт борта и стоянку.

Тревожная пауза свидетельствовала о том, что в сознании коллеги происходит лихорадочный подсчёт.

— Это шутка, — поспешил я успокоить министра, — Никита Сергеевич летит ко мне как к другу, бескорыстно. Только объясните мне, почему с человека, делающего такой щедрый подарок Томску, хотят содрать бешеную сумму за стоянку самолёта.

— Я вас услышал, — ответил министр, — я разберусь.

Днём тридцать первого мая я приехал в аэропорт встречать друга. В VIP-зале — вице-губернатор и министр. Вижу, что цветов у них нет. Спрашиваю:

— А где же цветы?

Удивлённый вице-губернатор переадресовал мой вопрос министру, и тот поспешил на поиски букета.

— Мы должны ехать с Никитой Сергеевичем в машине одни.

Вице-губернатор был явно удивлён.

— Мы с Никитой Сергеевичем должны провести по дороге рабочее совещание.

И мы «провели совещание»: я поведал Никите подробности нашей томской «эпопеи»... Сказал, что по творческой части наш форум—событие для города центральное: зрители воодушевлённо принимают происходящее, залы переполнены... Но сам я нахожусь в чудовищном моральном состоянии. Губернатор выделил необходимые средства. Вот только исполнители его воли впервые за всю историю «Золотого Витязя» решили оставить эти средства у себя, сделав главным получателем средств и исполнителем проекта местную филармонию, отжимающую бюджет на свои нужды. Никита внимательно выслушал мой рассказ. На первой же встрече с губернатором он ему прямо высказал своё удивление, почему средства выделены филармонии, а не главному организатору—«Золотому Витязю».

— А что? Есть проблемы?—насторожился губернатор.

— Николай Петрович вам всё расскажет.

Я описал губернатору бесчинства филармонии.

За трапезой я произнёс тост за друга, сказал, что высоко ценю то, что он сдержал обещание и прилетел. Признался, что если бы он, Никита, позвал меня к себе в тот момент, когда я завершал бы работу над своим фильмом, я бы ещё подумал, лететь или нет...

— Ну, ты бы подумал, а я—прилетел,—как всегда, с юмором парировал мой друг.

По «звёздной дорожке» мы прошли втроём с Никитой и губернатором. Когда Никита завершил свою речь на церемонии закрытия, я попросил его задержаться и пригласил на сцену сибирского воеводу, который подарил Никите крест Бесогона. Никита, тронутый этим символическим подарком, расцеловал воеводу и, побыв в зале ещё несколько минут, ринулся в аэропорт. Я был сердечно благодарен Никите, подтвердившему фактом своего прилёта ко мне в Сибирь крепость нашей пятидесятипятителетней дружбы.

Пятого декабря 2014 года по традиции провели в зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя закрытие годовой программы V Славянского форума искусств «Золотой Витязь». Святейший патриарх, пообещав присутствовать на церемонии ещё за полгода до закрытия, сдержал слово и, несмотря на то, что имел всего двадцать минут до своего отъезда в аэропорт, прибыл на церемонию. Я встретил Святейшего у входа и, пока шли к сцене, видя на его лице явное утомление и сосредоточенность, на ходу спросил:
— Как ваше здоровье?..

Мне было интересно, как чувствует себя наш с Никитой ровесник. Святейший после некоторого раздумья, словно прислушиваясь к своему состоянию, тихо сказал:

— Я даже не могу точно ответить... Видимо, Господь помогает...

Никита, несмотря на занятость, тоже примчался в зал Соборов. Переменяя юмор с серьёзностью, он сердечно приветствовал «Золотой Витязь». Отметил переполненность зала—свидетельство большого интереса зрителей к деятельности «Золотого Витязя». Я сделал ему публичное приглашение на XXIV МКФ в Севастополь с его новым фильмом «Солнечный удар». Он дипломатично ответил:
— Это мы с тобой обсудим...

Двадцать четвёртого августа 2015 года на заседании коллегии Минкультуры в Сколково по теме Фонда кино, хотя мест в зале было полно, Никита сел рядом со мной. Я спросил:

— Ты будешь выступать?

— Да... Сейчас услышишь,—многообещающе произнёс Никита.

— И ты услышишь... Я выступлю с критикой Фонда кино.

Я ожидал, что Никита, являясь членом попечительского совета Фонда, станет меня отговаривать, но он сказал:

— И правильно.

То, что произошло далее, вряд ли кто-то мог ожидать. Умиротворённый ход коллегии, где все выступающие благодушно одобряли деятельность Фонда кино, взорвал Никита. Он объявил о том, что, поскольку лишён какой бы-то ни было ответственности за работу Фонда, как, впрочем, и абсолютно всё безответственное руководство Фонда, он сделал прямой посыл в адрес сидевшей в президиуме, введённой в попечительский совет Фонда госпожи Тимаковой, пресс-секретаря премьер-министра, «которая, видимо, хорошо разбирается в кинематографе». С её назначением в Фонде всё стало решаться «подковёрным, телефонным правом». Поэтому он принял решение выйти из состава попечительского совета.

Когда Никита вернулся на своё место, я крепко сжал его руку и сказал:

— Молодец! Серьёзный поступок!

Выступая следом, я поддержал решение Никиты. Министр попробовал прервать, но я, мгновенно повысив звучание голоса на тональность сказал, что Общественный совет создан не для того, чтобы слушать окрики чиновников. Министр был вынужден дать мне договорить до конца. В финале, обратившись к президиуму, составленному из представителей всех ветвей власти (министр—Мединский, правительство—Тимакова, администрация президента—Толстой, Госдума—Кобзон

и Говорухин), я предложил ввести санкции относительно американского кино и допускать в наш прокат не более десяти американских фильмов, что уже давно практикуют Китай, Индия, Франция и другие страны. В этот день слова Михалкова о «латентной русофобии чиновников» и его выход из попечительского совета Фонда кино стали главной новостью многих СМИ.

Двадцать первого октября 2015 года поздравил Никиту с семидесятилетием. Боже, как быстро пролетает время! Никитушке—семьдесят! И мне в будущем году—столько же! Так определил Господь! «Время жить и время умирать. Дано нам время жизни праздник знать!» Мы ещё в силе, хотя уже налицо процесс нашего «взросления». Никита—молодец! Дай Бог пожить и послужить России подольше!

В ноябре впервые увидел спектакли Академии Никиты Михалкова («Воскресение» и «Метаморфозы»). Вновь мой друг делом доказал свою неукротимую творческую силу: создал Киноакадемию, лучшую в России и мире, и в кратчайшие сроки достиг блистательных результатов—два ярчайших спектакля. Переступал порог его Академии с тревогой: не угас ли театр? Получил удовлетворение и сердечную радость: театр жив!

С радостью наблюдаю телевизионное стояние друга с его «Бесогоном» перед обнаглевшим легионом лукавых. Горжусь крепостью его духа и непреклонным служением Господу и России. Мог ли я предполагать, что друг детства—озорник и балагур Никита—превратится в столь мужественную и талантливую личность, необходимую России, нескончаемо атакуемой бесами?

Прислушиваясь к лидеру российской культуры Н. С. Михалкову, обратившему внимание общественности на склонность некоторых ответственных чиновников к скрытой латентной русофобии, этим трусливым «тварям дрожащим» следовало бы задуматься о том, что недостаточно произносить правильные слова о патриотизме и традиционных ценностях и уверять общественность в том, что указ президента «Об основах государственной культурной политики» является конституцией для Минкультуры. Пора на деле выполнять требования этой «конституции». Как говорит Священное Писание: «По делам их—узнаете их». Дела «дрожащих» приспособленцев—постыдны, дела моего друга—праведны.

Дорожа нашей дружбой, понимая перегруженность Никиты неисчислимыми заботами, я никогда не обременял его своими житейскими проблемами. Но однажды, узнав о том, какую сумму мне

заломили стоматологи за капитальный ремонт, он сказал:

— Коля, они тебя разводят...

И мгновенно отправил в знакомую ему клинику, приняв все расходы на себя. Сам бы я, конечно, не смог бы справиться с решением этой задачи. Вскоре после починки, сидя в зале напротив пребывающего в президиуме Никиты, я оскалил свою «голливудскую улыбку», на что он не мог не прыснуть от смеха.

Пятого октября 2020 года неожиданно позвонил Никита и сказал:

— Коля, есть ох...тельная авантюра...

— Что такое? У тебя вся жизнь—авантюра...

— Мы написали пьесу. Хочу, чтобы ты сыграл на сцене главную роль в «12». Я буду играть то, что играл в фильме, а ты—роль, которую играл Серёжа Маковецкий.

— Интересное предложение. Давно хотел с тобой поработать... но в кино... Театр я бросил пятьдесят лет назад и не хотел возвращаться на сцену. Правда, написал пьесу «Бемби», и недавно пришлось самому в ней сыграть в театре Вахтангова. Я ориентирован на кино. Когда репетиции?

— Вчера.

— Но не люблю репетиции. Включаюсь только на команду мотор. Когда Алексей Баталов просил на съёмках «Игрока» «порепетировать», я сказал ему: не требуйте от меня репетиций, сядьте в ваше кресло, подождите, я всё сделаю в дубле. Я особо склада, могу играть лишь в момент полного подключения...

— А я обожаю репетиции.

— Пришли пьесу.

На следующий день получил пьесу. Понял, что, видимо, соглашусь. Ради возобновления нашей дружбы на излёте жизни, чтобы вспомнить нашу молодость, азартную работу над «12 разгневанными мужчинами» в Щукинском училище.

Двадцать первого октября 2020-го Никите стукнуло семьдесят пять! Мог ли я предполагать в далёком 1959 году, что моему тринадцатилетнему другу предстоит такая судьба, что он превратится в выдающегося режиссёра, актёра и общественного деятеля, что он станет шестикратным лауреатом высших наград «Золотой Витязь» и его почётным попечителем? Присоединяясь к поздравлениям юбиляру, награждённому президентом страны высшим званием—Герой Труда Российской Федерации, я поздравил его не только по телефону, но и со страниц экранов и СМИ.

На протяжении шестидесяти лет мы сохранили любовь и уважение друг к другу. С годами эти чувства лишь возрастали. Люблю Никиту за то, что он такой же, каким был в нашем далёком

детстве—никогда не терявшим чувства юмора, устремлённым к своей цели, неутомимым в творчестве, бесконечно, каждодневно работающим и своими творениями пробуждающим в людях «чувства добрые». Он один из немногих кинорежиссёров постперестроечного периода страны, не предавших истинного назначения искусства, которое призвано возвышать душу человека. Безусловный лидер, маяк отечественного кинематографа и российской культуры.

Масштаб личности Никиты, как водится, в полной мере оценят позже, когда будут оглядываться на прошлые достижения. Любовь к ближним у Никиты, можно сказать, врождённая. Он—свой среди своих и с ближними, и с дальними, всегда готовый прийти на помощь, он—не раз предаваемый, сам—верный в дружбе. Когда в 1993 году расстреливали российский парламент и арестовывали защитников Белого дома, тележурналисты задавали Михалкову вопрос о его дружбе с опальным, посаженным в Лефортово А. Руцким. Никита ответил прямо: да, мы друзья,—давая понять, что друзей своих он не предаёт. То, что Никита таков по сути своей,—это Промысел Божий о нём.

Его нарекли именем Никита, «изгоняющий бесов», что он еженедельно доказывает своей пронзительной, эпохальной и любимой миллионами телепрограмме «Бесогон». Подняв забрало, он говорит правду, которую сейчас может себе позволить в эфире только он. Никита—Бесогон современной России. Он работает непрестанно, титанически. Позвонишь ему в десять вечера—говорит: «Подожди, я сейчас монтирую, звони в двенадцать». Набираю в полночь—помощник отвечает: «Никита Сергеевич играет со съёмочной группой в футбол». Приверженность Никиты к спортивным занятиям—это не только для поддержания личного тонуса, это форма сплочения коллектива. Он один из немногих режиссёров в нашем кинематографе, кто реально заботится о своей группе, понимая, что его сотрудники тратят годы жизни на воплощение его идей. Его постоянное попечительство о людях—его сердечная благодарность сотоварищам. Он умеет создавать удивительную атмосферу вокруг себя. Спроси любого артиста: у кого вы бы хотели сниматься?—ответит: у Михалкова. Сняться у Михалкова—означает обрести новое актёрское дыхание и популярность. Михалков—мастер, умеющий докапываться до психологических глубин личности.

Встречаясь, беседуя по телефону, мы говорим обо всём открыто: о проблемах кинематографа, об отдельных личностях, рассказываем анекдоты... Есть фото, на котором он улыбается до ушей, а я еле сдерживаю улыбку. Камера выхватила нас в тот миг, когда только что примчавшийся в зал на открытие кинофорума «Золотой Витязь» в Калугу Никита, сев в зале рядом со мной, с ходу

рассказал анекдот. Мы в эпицентре события, на нас все смотрят, надо поддержать строгость лица, а он легко сбивает официоз искромётным юмором.

Вызывает уважение и благодарности то, что он постоянно вписывается в истории, где нужна его помощь. Когда мы учились в Шукинском училище, он уже тогда был «третейским судьёй» в разборе конфликтных ситуаций сокурсников. Таким он остаётся и поныне. У Никиты обострённое чувство справедливости.

Конечно, не все поголовно любят Никиту. Зависть всегда сопутствовала роду Михалковых. Как же не завидовать—успешны, благополучны, самодостаточны, «оскароносцы», уважаемые властью, влияют на многие процессы российской культуры и при этом говорят в полный голос, без обиняков и иносказаний. Лермонтов писал: «Провозглашать я стал любви и правды чистые ученья, в меня все ближние мои бросали бешено камень». Лермонтова пристрелили в двадцать шесть лет. А Никита Сергеевич, слава Богу, дожил до семидесяти пяти—плодотворно трудится, борется и для подавляющего большинства нашего народа является маяком. К зависти, злобе и прочим неблагоприятным человеческим проявлениям он научился относиться спокойно. Град «бешеных камней» закалил его. Стрелы-то подчас весьма ядовиты, но то, как он с этим справляется, вызывает восхищение.

Юбилейный день рождения Никита не стал отмечать многолюдно, а на следующий же день приступил к постановке спектакля «12». Собрал весь актёрский состав в студии «ТриТэ», рассказал о своём видении спектакля. Из «народных» только он, я и два приглашённых из разных театров. Остальные—молодёжь из его Академии. Начали, как заведено, с читки пьесы по ролям. Процедура, которую я всегда не любил и внутренне опасался. На читке артисты пробалтывают текст весьма прилизательно, чего в силу своих психологических особенностей я не терплю. Мне нужно полное погружение в образ. Было интересно наблюдать за Никитой спустя полвека просвистевшей, как пуля, жизни. Оба мы крепко «повзрослели», подморщились, поредели перья на голове. Но какая творческая мощь накоплена моим другом... Солируя, он мастерски прошёлся по характерам каждого персонажа, проигрывая его образ—сердцем, до слёз. Когда он, «не читки требуя с актёра, а полной гибели всерьёз», произнёс библейскую фразу: «От избытка сердца говорят уста»,—я удивился тому, что ведь и я, не сговариваясь с ним, повторяю это на своих мастер-классах, укрепляя эту истину ещё одной евангельской мыслью, в которой заключена тайна не только актёрского, но любого творчества: «Много в мире различных слов, и ни одного нет без значения». Каким он стал удивительным режиссёром-артистом, вгрызающимся в существо

характера и психологию каждого персонажа, сердцем проживающим и при этом наблюдающим хозяйским взглядом за собой и за каждым со стороны. Спросил его:

— Допускаешь ли ты импровизацию на сцене и в каких пределах?

— Конечно, — ответил Никита.

И меня это устраивает: живи и твори! Он заявил, что абсолютно знает, чего хочет, и уже готов выйти на площадку. Я сказал, что тоже готов. Он шёпотом спросил меня:

— Интересно?

— Да, — ответил я.

Подмигнули друг другу, как в юности: мы делаем это! Ради этих мгновений я и пошёл на ненавистную репетиционную голгофу, для того чтобы побыть в поле прежней нашей любви и сердечности.

— Может, с тобой я полюблю репетиции... — сказал я другу.

Работая ежедневно, за пять репетиций вчерне прогнали две трети спектакля. Поражался уверенности и мастерству Никиты. В отличие от меня, не впрягающегося последнее тридцатилетие в кинотеатральное режиссёрское и актёрское тягло, критически относящегося к актёрству и современному рыночному кинопроцессу, Никита — стопроцентный, преданный кино и театру режиссёр. Удивлялся тому, как в свои семьдесят пять, перенёсший не одну сложную операцию, обременённый бездной проблем и обязанностей: студией «ТриТэ», Академией, Союзом кинематографистов, руководством фондами, бизнесом, благотворительностью, подготовкой нового кинопроекта, еженедельным «Бесогоном», исполнением сыплющихся на него отовсюду просьб о помощи, — как он смог загореться желанием в кратчайшие сроки, в условиях «пандемического психоза», ринуться в постановку спектакля. Наблюдал со стороны и радовался, видя его искреннее добросердечие ко всем сотрудникам: артистам, осветителям, звуковикам, администрации. Аристократично, мягко, без игры на публику, без режиссёрского «топанья ножками», с неизменным юмором, терпеливо и спокойно он добивался результата, который видел лишь один он. С полной отдачей и темпераментом он блистательно показывал, проигрывал за каждого артиста существо его характера. Я сказал Никите, что в силу полувекowego разрыва с театром и кинематографической практики я стал бегуном на короткие дистанции: «выучил текст — снял короткий дубль». А здесь требуется непрерывное трёхчасовое проживание на сцене в образе.

Шестнадцатого — двадцатого декабря 2020 года репетировали в нижегородском имении Никиты — Щепачихе. Начали с литургии и причастия

в уютном домашнем деревянном храме, наполненном уникальными иконами и мощами святых. У каждого до Бога своя дорога. Мы оба были крещены нашими мамами в младенчестве, но никогда — ни в детстве, ни потом — не говорили о религии. Каждый из нас шёл к сокровенному своим путём. Уже в зрелые годы я начал замечать, что мой друг, в отличие от многих, не скрывает того, что он православный, верующий человек. Это грело моё сердце, но вопрос, насколько это глубоко, не покидал меня. В домашней церкви я невольно наблюдал за другом и с радостью отмечал, насколько сосредоточена и устремлена в горный мир его молитва.

После завтрака посидел подле Никиты в спортивной горнице, посмотрел, как он разминается, восстанавливает после операций своё могучее тело. Потом репетировали в большом пространстве теннисного корта. Работали спокойно, внимательно и уважительно. Никита впервые несколько раз ободрил меня:

— Хорошо... Это туда... в правильном направлении... .

Несколько лет назад я подарил другу свой трёхтомник. Сомневаясь, что он его раскрывал, привёз ещё экземпляр, написав следующие слова: «Дорогой мой друг, Никитушка! Грядёт 2021 год — 62-й год нашей дружбы, проверки на прочность и любовь. Не знаю, станешь ли читать всё, что я написал за мою жизнь... Для облегчения загнул страницы, которые говорят о тебе, одном из главных героев моего трёхтомника. Ты стал мощной личностью. Моя любовь и уважение к тебе стали со временем гораздо более крепкими, чем в нашем детстве и юности. Ты нужен России. Храни тебя Господь! Твой друг Колька. 18.XII.2020, Щепачиха».

Деятнадцатого декабря, в праздник Николая Зимнего, в той же домашней благодатной церкви совершили литургию и причастие. От избытка сердца выступали слёзы. Из пяти дней — четырежды проводили службы в храме, трижды причащались.

После репетиций трапезничали за широким хлебосольным столом, хранящим традиции своих предков: незабвенной Натальи Петровны и Сергея Владимировича, всегда внешне усталого, а по сути трепетного и доброго, вечного ребёнка. Никита сберегает дух светлого творческого рода Михалковых-Кончаловских, православных, грешных и кающихся, стремящихся ко Господу русских аристократов, вечно «чужих среди своих» и внешне — «своих среди чужих», писателей, художников, кинематографистов и воинов, желающих блага своему Отечеству, добра людям, посылно творящих славную историю Руси: помогающих ближним гимнами, детскими книжками, живописными полотнами, снимающих не искажающие правды и не опошляющие искусство фильмы.

Небольшой отдых после завтрака и репетиции в огромном прохладном корте. Если бы не Никита, никогда бы не ввязался в подобную авантюру: не рисковал бы «ваньку ломать» на подмостках в свои семьдесят четыре. Ибо давно потерял желание корячиться на сцене, произнося чужие слова и представляя из себя того, кем не являюсь... Но погружение с Никитой в давно забытый процесс создания спектакля, наблюдение за другом, умеющим создавать новую психологическую реальность, сердечные дни прикосновения к нашим истокам придают этой «авантюре» особый интерес на завершающем витке земных судеб.

Утомившись на дневной репетиции, решил уснуть пораньше. Только задремал, как задрожал деревянный щепачихинский терем: грохот, крики, пальба... Что такое?.. На снегоходах, что ли, решили покататься?.. салют запустить?.. Вышел поглядеть, что происходит. В тёмном холле, перед большим экраном, Никита с учениками и помощниками смотрели голливудскую галиматью на полную громкость. Подсел, досмотрел с ними оставшиеся десять минут грохочущей пустоты, недоумевая, зачем тратить на это время жизни. — Какая х...ня! — изрёк Никита, едва потекли титры.

В нескольких фразах припечатал режиссёра: — Спекулянт! Два с половиной часа пустоты, бездарных диалогов ни о чём...

— Разве тебе не было это ясно с первых минут просмотра? Зачем тратить два с половиной часа жизни на это дерьмо?

— Врага нужно знать в лицо...

— Я тоже досматриваю мерзость до конца, — признался я.

— Вот они, — Никита кивнул в сторону учеников, — смотрели эту... в четвёртый раз... с придыханием произносили название фильма и режиссёра...

Шесть месяцев ежедневных изнурительных репетиций. Каждая — на пределе сил. Никита изредка подбадривал, хвалил:

— Это туда...

Иногда сердился, не получая того результата, которого он хотел от меня добиться, в праведном гневе бросался из зала на сцену:

— Коля! Просрал монолог!..

Я в душе обижался, выслушивая подобное в мой адрес, да ещё при молодых партнёрах. Подобного на моём веку не позволял себе ни один режиссёр. Но, понимая, что он прав, смирял гордыню. Я ведь предупреждал, что не люблю репетиции и полностью включаюсь лишь при команде «мотор». Перед первым прогоном на публике он позвонил и сказал: — Коленька, ты сделаешь потрясающую роль, если сделаешь то-то и то-то...

Я уже твёрдо знал, что всё сделаю на премьере.

Шестнадцатого апреля 2021 года состоялся первый прогон на публике — рождение спектакля «12». Зрители долго аплодировали стоя, кричали «браво», глаза восторженные. Равнодушных лиц не наблюдали. Первые же отзывы: — Ошеломляющее воздействие... Ничего подобного не видели на сцене много лет... Спектакль держит в постоянном напряжении...

Моё исполнение принято, многие требуют моего возвращения на подмостки, о чём я не помышляю. С фильмом «12», к нашему с Никитой удовлетворению, никто не сравнивает, считая эту постановку новым, самостоятельным произведением театрального искусства. Со времени создания фильма «12» прошло пятнадцать лет, но пьеса выглядит ещё более актуальной: деликатно и с любовью затронутые в ней межнациональные отношения, столкновение различных характеров, «чувство правды в сердце человека», милосердие и гармонизация жизни тронули сердца зрителей. Никита снова рисковал и вновь одержал победу — над собой, над окружающим недоброжелательством «коллег». Да и надо мной одержал победу, добился-таки чего хотел. Включили «мотор», и я пошёл в атаку, работая абсолютно спокойно, владея собой и залом. Никита после моего первого монолога, сидя спиной к залу, подмигнул: мол, хорошо! Горжусь своим другом. Он — большой талант, быть может, последний подлинный профессионал настоящего кино и театра, национальное достояние, которое нужно беречь, значение которого в полной мере оценят, как водится, по истечении сроков.

Двадцать четвёртого апреля грянула премьера «12» на исторической сцене Большого театра. Триумфальный итог рискованной авантюры Никиты, изнурительного полугодового репетиционного марафона. Зрители Большого театра — представители государственной власти и сотни людей — стоя приветствовали победу Михалкова — нашу победу! Несмотря на усталость и дневной прогон спектакля, чувствовал себя на сцене Большого театра совершенно спокойно, забыв о зрителях, сидевших затаив дыхание, напоминавших о себе лишь всплесками аплодисментов. На приёме после спектакля подошли человек двадцать с выражением высокой оценки нашего труда. Хвалу и клевету приемлем равнодушно, зная, что удалось, чего нет и каков в будущем потенциал роста. Приятно было получить от Никиты после спектакля смс-ку: «Ты молодец и боец!» Не менее лестными были и его слова в интервью каналу «Россия 24», сказанные сразу после премьеры в Большом:

— Мне хотелось, чтобы Николай Петрович окупился со своего пьедестала «Золотого Витязя» и всех общественных трудов в эту творческую шахту. Это тяжёлый труд. Я должен сказать, что

он прошёл невероятный путь от первого дня до сегодняшнего. Это была такая глубинная метаморфоза и такое возрастающее мастерство, прямо на глазах. Я благодарен ему за то, что он согласился это с нами сделать.

Следом Никита отправил участникам спектакля смс: «Дорогие мои, хорошие! Посмотрел видео спектакля в Большом. Если исключить ужасающий монтаж, это — серьёзно и хорошо! Кое-что нужно скорректировать, но это в рабочем порядке. Что очень важно (!) — правильный и пульсирующий ритм. Это действительно основополагающе. Ещё чрезвычайно важно — это то, что все „включены“. Это нужно сохранять и культивировать. По персонажам какие-то соображения скажу каждому. Важно, что я вижу и чувствую азарт и удовольствие, которые царят на сцене. Обнимаю всех сердечно. Ваш Н. М.».

Двадцать первого мая сыграли вторую премьеру в пяти тысячном зале екатеринбургского «Экспоцентра». Отделённые от зала сеткой-экраном, сыграли спектакль, не ведая, сколько там собралось зрителей. Обещали из-за карантинного психоза собрать половину зала. Выйдя на поклон, пришлось пережить непередаваемые ощущения — зал переполнен! Зрители, стоя, взволнованно и щедро

одаривали нас овацией. Предполагалось, что мы с Никитой вылетим ночью после спектакля в Севастополь на завтрашнее открытие «Золотого Витязя». Он сказал, что никак не сможет, ожидая важнейшей встречи. Неожиданно предложил мне эксклюзивный показ, мировую премьеру его новой документальной картины «История не получившегося фильма», со своим видеоприветствием фестивалю. Несмотря на финансовую и организационную петлю, не ослабевающую на горле «Золотого Витязя» все тридцать лет, ХХХ кинофорум прошёл на достойном уровне. Международное жюри присудило фильму Никиты гран-при.

На протяжении полувека, читая и слушая бесчисленные интервью Никиты, я видел, что он никогда не юлил и не лукавил, говорил то, что думает, постоянно подтверждая сказанное реальными делами.

Вижу лукавую улыбку на устах недоброжелателей, читающих эту повесть, но я не мог не высказать о друге всё, что на сердце моём сейчас, при нашем ещё земном бытии. Но слово это должно было быть произнесено вовремя. Точку не ставлю, ибо желаю Никите долгой жизни во славу Господа, Отечества и ближних, а значит, и продолжение последует.